

Беренгар сидел на троне власти своего отца, трижды постукивая по своим армиям левой рукой и отпивая из чаши вина в правой. Перед ним стояла группа священников, одетых в алые одежды, с золотым крестом, висящим у них на шее. Это были люди инквизиции, группа ревностных и садистских священников, которые искореняли, пытали и казнили еретиков. Число невинных людей, которых они казнили, было неизмеримо, поскольку им действительно было всё равно, виновен ли кто-то в так называемом преступлении ереси или нет, просто острые ощущения, которые возникают при пытках другого человека.

Мужчины отказались поклониться Беренгару, который в настоящее время исполнял обязанности регента Куфштейна и был, по сути, бароном во всех аспектах, кроме имени. Вместо этого они встали перед Беренгаром, который сделал глоток из своей золотой чаши, слушая инквизицию, когда они представились. Их предводителем был невысокий толстяк с явно лысеющими седыми волосами и такими же усами. Если бы сексуальные преступления Католической церкви из прошлой жизни Беренгара существовали в этой временной шкале, то с первого взгляда можно было бы предположить, что этот человек занимался такой деятельностью. К счастью для Беренгара, ни Генриетты, ни Адели рядом не было, иначе он не смог бы сдержать свой гнев от похотливого взгляда толстого толстяка-священника. Подумав о такой возможности, Беренгар инстинктивно с отвращением усмехнулся этому человеку, когда тот представился Беренгару таким образом, в котором отсутствовало должное уважение, оказываемое человеку его положения. Мужчина говорил с сильным испанским акцентом, сразу сказав, что по рождению он не говорит по-немецки.

- Я отец Альфонс, а эти двое мои помощники, отцы Антонио и Жиль. Мы прибыли по просьбе местного священника и некоего Ламберта фон Куфштейна, чтобы расследовать заявления о ереси. Мне сказали, что барон Куфштейн был мужчиной средних лет. Кем ты можешь быть?

Беренгар не мог не выругаться про себя про себя.

«Черт возьми, испанец, южноитальянец и француз, конечно, не было бы немца в их маленьком трибунале. Похоже, я не смогу разыграть карту земляка.»

После таких мыслей Беренгар сделал глоток из своего бокала, провозглашая свою власть перед нежеланными священниками, которые ворвались в его дом.

- Я Беренгар фон Куфштейн, сын Зигхарда фон Куфштейна, и исполняю обязанности регента баронства Куфштейн, в то время как мой отец удалился в покаяние. Все полномочия по решению этого вопроса были возложены на меня моим отцом бароном Зигхардом фон Куфштейном в соответствии с законами людей.

Беренгар позаботился о том, чтобы подчеркнуть эту последнюю часть, поскольку он совершенно ясно давал понять инквизиции, что у них нет власти здесь, в его владениях. Отец Альфонс сразу же нахмурился, услышав эту новость; это был худший из возможных исходов. Если то, что сказал Беренгар, было правдой, расследование заявлений и признание молодого лорда виновным может оказаться трудным делом. Тем не менее отец Альфонс продолжал выполнять свою задачу.

- Скажите мне, где Ламберт фон Куфштейн? Я хотел бы обсудить с ним проблемы, на которые он обратил наше внимание.

Беренгар посмотрел на лидера инквизиции с самодовольным выражением лица, когда тот смело объявил о судьбе Ламберта.

- Ламберт был осужден за убийство, попытку братоубийства и измену баронству Куфштейн. От него отреклись, лишили его имени и титулов и отправили в Тевтонский орден, где он проведёт остаток своих дней, искупая свою вину в глазах Господа.

Толстый и лысеющий священник был ошеломлён этой новостью. Прошло всего несколько недель с тех пор, как они узнали о сложившейся ситуации, но человек, на поддержке которого настаивал епископ Инсбрука, чтобы сохранить власть Церкви в Куфштайне, уже был исключен из уравнения? Как это произошло?

Отец Альфонс теперь понял, почему Беренгар спокойно сидел на своем троне, насмехаясь над ним с отвращением и презрением; с его ключевым свидетелем, осужденным и опозоренным как предатель и убийца, его шансы отстранить этого молодого человека от власти были невелики. Если только он не сможет найти что-то в ходе законного расследования, чтобы доказать, что он еретик. Теперь это была единственная надежда Церкви. Либо это, либо они могли просто подставить Беренгара за преступления, в которых его обвиняли. Поэтому мужчина изобразил улыбку и начал командовать Беренгаром, как будто тот был простым слугой.

- Перед своим отъездом Ламберт выдвинул несколько смелых обвинений в ереси в регионе; поэтому мне потребуется ваше полное сотрудничество в моём расследовании.

Толстый священник начал злобно улыбаться, ожидая ответа Беренгара; всё, что им нужно было сделать, это собрать некоторые доказательства в своём расследовании и привлечь местную церковь и её переход на их сторону. У инквизиции было бы достаточно оснований обвинить Беренгара в ереси и отстранить его от власти. Кто бы ни завладел этим незначительным баронством после его смерти, это не касалось Церкви, пока они подчинялись прихотям Ватикана. Однако ответ, который Беренгар дал отцу Альфонсу, полностью превзошел его ожидания. Беренгар сделал глоток из своей чаши и поставил её на подлокотник, прежде чем передвинуться в кресле власти так, чтобы он смотрел на жрецов под ним взглядом, полным страха.

- Под чьим руководством вы осмеливаетесь расследовать подобные обвинения в моем Королевстве?

Все трое жрецов были потрясены, когда с презрением уставились на Беренгара. Отец Альфонс больше не мог сдерживать свой язык; он никогда раньше не видел такого наглого молодого Лорда; поэтому он начал оказывать поддержку Беренгару, пытаясь запугать его, чтобы он позволил провести свое ненадлежащее расследование.

- Под властью самого Святого Отца!

Таким образом, священник вытащил большой свиток, подписанный папой римским; в нём были приказы расследовать и очистить Куфштейна от любых еретических мыслей и их верующих. Однако Беренгар был равнодушен к этим замечаниям и просто продолжал смотреть на мужчин сверху вниз с властным и властным давлением.

- В последний раз, когда я проверял, этими землями с абсолютной властью правил барон Куфштейн, мой отец, который в его отсутствие назначил меня регентом вместо себя, чтобы действовать со всей Властью самого барона. Насколько я понимаю, ни Папа Римский, ни Ватикан не имеют никакой судебной власти на землях моей семьи, и вам лучше вернуться туда, откуда вы приехали, прежде чем я сочту ваше пребывание здесь нежеланным.

Слова, которые он произнёс, пробирали до костей, и двое других членов инквизиции начали дрожать в присутствии Беренгара. Только теперь жрецы инквизиции заметили ряды людей, облаченных в доспехи наполовину из пластин и вооруженных тем, что казалось странной смесью ручной пушки и копья, смотревших на них равнодушными взглядами. Беренгар созвал сюда самых преданных и элитных своих людей, гренадёров, специально для этой встречи. Люди, которые уже сражались и убивали за Беренгара в битве за Шахтерский город. Люди, которые охотно отдали бы свои жизни за своего Господина и Командира, который вывел их и их семьи из рабства на хорошо оплачиваемую работу в промышленности.

Возмущенный откровенным богохульством, о котором говорил Беренгар, или, по крайней мере, в том, что касалось его, отец Альфонсо больше не вёл себя вежливо с Беренгаром и откровенно угрожал ему.

- Богохульство! Я предупреждаю вас, если вы не подчинитесь нашему Расследованию, то мы сочтём вас виновным по умолчанию, и мы вернёмся со святым приказом, чтобы поднять эту землю язычников до земли!

Эта угроза не только Беренгару, но и земле и людям, находящимся под его властью, стала последней каплей. Он больше не был готов вежливо вести переговоры, вместо этого он встал со стула и уставился на священников внизу, отдавая команду Экхарду, который в настоящее время возглавлял подразделение гренадеров, которое в данный момент выступало в качестве личной охраны Беренгара.

- Вице-командер Экхард, арестуйте этих людей за заговор с целью узурпации баронства Куфштейн.

В голосе Экхарда не было ни малейшего колебания, когда он жестом приказал своим людям следовать приказам регента.

- Да, милорд, я сделаю, как вы прикажете.

Гренадеры быстро окружили священников и опустили штыки, целясь инквизиторам в грудь.

Отец Жиль сразу же начал протестовать, когда штыки были всего в нескольких дюймах от того, чтобы пронзить его сердце.

- Я посланник Святого Отца; вы не можете этого сделать!

Беренгар начал спускаться по каменным ступеням перед своим тронem и приближаться к трём мужчинам, стоявшим перед ним.

- Отец Альфонс, отец Жиль, властью, данной мне как регенту Куфштейна, предоставленной мне моим отцом, бароном Зигхардом фон Куфштайном. Настоящим я обвиняю вас в шпионаже, саботаже и узурпации власти. Отныне вы будете приговорены к смертной казни через расстрел. Мужчины! Выведите этих потенциальных узурпаторов во двор, поставьте их у стены и расстреляйте!

Немедленно его войска ответили в унисон без намёка на неповиновение в их коллективных голосах.

- Да, милорд!

После этого жрецов инквизиции выволокли из большого зала и вывели во внутренний двор, где мужчины выстроились в настоящую расстрельную команду. Беренгар подтащил отца Антонио к окну, чтобы посмотреть сверху, как казнят его товарищей. Перепуганный священник умолял Беренгара пересмотреть свои действия и пощадить жизни инквизиторов.

- Лорд Беренгар, если вы сделаете это, вы будете отлучены от церкви и заклеены как еретик. Церковь будет вечно считать тебя врагом!

Беренгар просто безразлично посмотрел на отца Антонио и поднял руку, давая знак войскам стрелять. Грохот выстрелов и запах дыма наполнили воздух, когда тела священников были разорваны на части дюжиной мушкетных пуль, их кровь забрызгала каменные стены Внутреннего двора Замка, как картина смерти.

Антонио в ужасе смотрел, как его братья были застрелены могучими ручными пушками; он очнулся от шока только тогда, когда Железная хватка Беренгара схватила его за плечо, молодой и величественный мужчина посмотрел в глаза священника ледяным взглядом прирожденного убийцы и ответил на его предыдущие слова.

- Когда вы вернетесь в Ватикан, сообщите Святому Отцу, что у него может быть власть отлучить меня от Церкви и заклеить как еретика, но в конечном счёте, когда я окончательно исчезну из этого мира, именно Суд Божий, а не Папа, определит, войду я в Царство Небесное или нет... Вы скажете ему об этом, да?

Антонио задрожал от страха, как будто его коснулись холодные руки смерти, и посмотрел в глаза самому мрачному жнецу. С трудом обретя дар речи, он в конце концов ничего не сказал и просто кивнул в ответ на «просьбу» Беренгара.

С этого дня Беренгар приобрёл могущественного врага, того, кто никогда не простит ему его действий здесь, в этот день. Пропасть будет только расти, поскольку Беренгар отказался преклонить колени перед коррумпированной и раздутой церковью и Верховным понтификом, который её возглавлял.

<http://tl.rulate.ru/book/62356/2382780>